

МУРУНГИ — ДЕТИ ДЖУНГЛЕЙ

А. АШРАФ

ПОД КРЫЛЬЯМИ старой, довоенной «Дакоты» вот уже второй час тянулись джунгли. Самолет летел низко, и мы отчетливо видели его тень, медленно вползавшую на очередной холм, а затем тигром прыгавшую на другой. Холмов было много, и их ровные, пологие склоны иногда пересекались узкими извилистыми ленточками речушек и небольшими озерцами. Удивляло, что казавшаяся сверху ровной, словно зеленое поле озими, поверхность — не что иное, как сомкнувшиеся кроны могучих деревьев джунгли. Где-то под нами бродили свирепые стада буйволов, флегматичные слоны, господин джунглей тигр и другое зверье.

Кто-то бросил: «Если бы знать, что здесь живут люди, которые могут подобрать наши останки и предать их земле, можно было бы спокойно отдаться на волю судьбы».

— А как же, конечно, живут, — встрепенулся мой сосед. Судя по тому, что он все время подсчитывал в записной книжке какие-то цифры, он был торговцем. Только насчет того, чтобы предать земле, не знаю, сделают ли. Ведь они не знают ни религии, ни богов, а покойников сжигают. Это настоящие дети природы. Красивые, физически крепкие, благородные и честные, они не знают ни корысти, ни денег, ни вражды. Любовь и разум господствуют в их отношениях, современная цивилизация еще не коснулась их своим развращающим влиянием.

Это было похоже на библейскую легенду. «Кто же это такие?» — спросил я не без иронии, готовый услышать какой-нибудь невероятный рассказ.

— Это мурунги, — ответил он. Я их не выдумал. Они живут в этих джунглях уже многие века. Мне было 14 лет, когда я с сумой, набитой цветными стеклянными браслетами, медными и алюминиевыми кольцами, дешевыми лентами, бусами и спичками, бродил по джунглям от деревни к деревне и выменивал свой товар на рис, табак, фасоль и другие продукты. Никто из представителей власти, даже сборщики налогов, не знают эти места лучше, чем мы, мелкие торговцы-разносчики...

Рассказанное торговцем запало в душу, и где бы в Индии я ни оказался, заходя в книжные магазины и в библиотеки, я не забывал спросить литературу о мурунгах. Но то, что я находил, было совершенно недостаточно, чтобы составить полное представление о них. Неожиданно обстоятельства обернулись для меня самым благоприятным образом, и я получил возможность узнать об их жизни гораздо больше, чем мог ожидать...

Бандарбандские джунгли, где обитают мурунги, простираются почти на все высокогорье Восточного Пакистана. По мнению сборщиков налогов, здесь насчитывается около 300 тысяч человек, из которых мурунги составляют лишь 20 тысяч. Остальные — чакма, мох и типера. Как удалось чиновникам определить численность племен в этих безбрежных джунглях, где нет дорог и где племя от племени живет на расстоянии десятков километров, остается загадкой. Добраться до поселений мурунгов, рассыпанных по живописным лесным долинам, нелегко, а в период муссонов совершенно невозможно. В это время многочисленные речушки превращаются в бурлящие потоки, а узкие тропинки, петляющие по джунглям, зарастают густой травой. На добрую половину года эти островки жизни, где живет не более 12—15 семей, оказываются отрезанными от остального мира.

По внешнему виду мурунги отличаются от оседлого населения Восточного Пакистана. Они ближе к горцам, населяющим районы, которые простираются от Тибета вниз, к Таиланду. Светлокожие и черноволосые, среднего роста и крепкого телосложения, они в отличие от многих монголоидов имеют не очень широкие скулы, а глаза не столь узкие.

У них свой язык, не похожий ни на один из языков живущих вокруг племен.

В дом мурунга попасть не так-то просто. Строят его на сваях, на высоте трех—четырех метров. Это делается для защиты от наводнений и нападений хищников, которых немало бродит вокруг по ночам. Кроме того, высокое расположение жилища обеспечивает хорошую вентиляцию и спасает от москитов. Лестницы нет. Вместо нее вертикально приставленное бревно с глубокими засечками с двух сторон в виде приступков. Дома удивительно просторные. Объясняется это тем, что мурунги живут большой патриархальной семьей. Каждая семейная пара имеет свою комнату, куда другим входить нельзя. Помимо семейных комнат, в доме есть общий зал, где собираются на семейную трапезу. В дождь здесь работают.

На веранде сушат рис, хлопок и табак. В большом зале в одном углу, на глиняной платформе, возвышается очаг, в другом в пустотелых тыквах стоит вода. Зерно и другие продукты на весь год сохраняются в больших бамбуковых корзинах, вмещающих до тонны риса или кукурузы.

На полях работают одни мужчины. Вообще между мужчинами и женщинами существует четкое разделение труда. Мужчины строят дома, обрабатывают поле, смотрят за скотом, доят коров, охотятся,

плетут корзины и прядут пряжу. Как видно из перечня, наиболее трудоемкая часть работы носит временный или сезонный характер, и мужчины не особенно обременены заботами. На долю женщин приходится гораздо больше: они готовят пищу, собирают дикие плоды, обеспечивают дом дровами, водой, плетут циновки из хлопка, помогают мужчинам в проеивании риса, ходят в дальние деревни для обмена излишков своего натурального хозяйства на необходимые семье предметы обихода.

В отличие от пакистанской и индийской деревни в поселке мурунгов не увидишь ни каменщиков, ни плотников, ни горшечников, ни ткачей. У них нет ремесленников или кустарей. Каждая семья все производит для себя сама, прибегая к помощи соседей только при возведении жилища и при выжигании участка джунглей, чтобы подготовить его к посеву.

Мурунги — земледельцы, но они не знают земледелия. В этом они схожи с некоторыми примитивными племенами Африки. На выбранном участке джунглей вырубают все деревья и кустарники и оставляют его до полного высыхания. Накануне муссонов сушняк поджигают. Как только дождь намочит землю, поле засеивается: заостренной палкой в сырой земле делается лунка, и сеятели закладывают туда семена. На одном и том же поле сажают рис, кукурузу, сезам, табак, дыни, тыквы, перец и хлопок. Семена всех этих культур предварительно перемешиваются в корзине. Однако семян риса в корзине гораздо больше, чем семян других культур, так как рис — основная пища мурунгов. Сеятели в одну лунку кладут зерно риса, в другую — хлопка, в третью — кукурузы и т. д. Все эти культуры созревают в разное время: кукуруза в августе, рис и сезам — в сентябре, хлопок и табак — в ноябре и декабре. Это позволяет вовремя убрать урожай.

Такой метод обработки земли требует огромной затраты сил и постоянного внимания. И хотя мурунги слышали и знают, что есть другие, более эффективные способы обработки полей, от своего традиционного метода земледелия не отказываются.

Самое интересное у мурунгов, пожалуй, — их брачные обряды и обычаи. У мурунгов браки заключаются по любви. Родители, как правило, бывают поставлены перед свершившимся фактом и не оказывают влияния на выбор жениха или невесты. Объясняется это тем, что мужчины и женщины в равной степени участвуют в добывании средств к существованию.

Одно из основных достоинств жениха — умение складывать самому и петь любовные серенады. Девушка стремится не отставать и изливает свои чувства тем же манером.

Юноша поет:

— Твое лицо красиво, как лотос.

И даже, когда мы расстаемся, я чувствую твое присутствие в цветке лотоса и нахожу утешение, любясь им.

Девушка отвечает:

— Как же ты красив, мой избранник!

Ты подобен Лунг-Оюру,
стройный и мужественный, как дикий олень,
носшийся в зеленых лесных долинах!

По вечерам на площади на «посиделки» собираются молодые люди. Они в «вечерних» туалетах: с длинными волосами, завязанными пучком на макушке, с раскрашенными в малиновый цвет щеками, яркими цветами в мочках ушей и зубами, отливающими черным лаковым блеском. И если они еще метко стреляют из лука и умеют петь любовные песни и играть на флейте, то такие юноши являются эталоном мужской красоты. Без этих качеств

молодой человек рискует не встретить взаимности со стороны девушки.

Ухаживания иногда длятся месяцами, пока в одну прекрасную ночь девушка не бежит со своим избранником.

На другой день после «умыкания» молодые люди женятся. Спешка объясняется желанием жениха поскорей заявить свои притязания на девушку. Это нужно для того, чтобы ее родители не могли помешать браку, если по каким-то причинам жених пришелся «не ко двору».

Родители ищут дочь, но их поиски носят чисто символический характер. Они идут в дом жениха не для того, чтобы забрать невесту, а чтобы выяснить, сколько молодой человек даст им за дочь. Обычно сумма ненамного превышает 300 рупий, причем складывается она из следующих составных частей: платы за тело девушки — 150 рупий, за молоко матери, которым ее вскормили, — 10 рупий. Остальную часть составляет стоимость домотканых покрывал, циновки, юбок и украшений, которые девушка берет с собой из родительского дома. Кроме денег (их дают родители жениха), сам жених обязан подарить родителям невесты меч, копье, лук со стрелами и нож.

Если родители невесты устраивает предложенная сумма, они «благословляют» брак. Вся сумма должна быть выплачена серебряными монетами, но, так как серебро трудно достать, принимаются и банкноты, только в полторном размере.

Если родители девушки несогласны выдать дочь за юношу, собирается совет старейшин. Они решают, справедливы ли требования родителей девушки или нет. Если выясняется, что юноша насильно умыкнул девушку, на него накладывается штраф в 70 рупий, если же инициатором погрома была девушка, штраф в 30 рупий подвергаются ее родители.

Свадебная церемония проста: старейшина деревни (жрецов или священников у мурунгов нет) заворачивает в лоскут ух только что заколотого поросенка и обвязывает им запястья жениха, невесты и их ближайших родственников, потом наносит на лбу, груди и спине молодоженов знаки пастой турмерика и объявляет их мужем и женой. Затем, как и на любой свадьбе, следует угощение: жареные куски свинины, рис и рисовая настойка. Интересно, что, хотя мурунги любят музыку и играют на разных инструментах, на свадьбе музыки не бывает.

Танцует одна молодежь, замужним женщинам это запрещено.

В отличие от индусов, считающих корову священным животным, мурунги относятся к ней с большим предубеждением. По преданию, корова виновата в том, что съела банановые листья, на которых были записаны религиозные тексты мурунгов, унаследованные их предками от буддистов. Мурунги считают, что потеряли веру из-за коровы, и за этот святотатственный акт ее ежегодно наказывают: привязывают к столбу, и всю ночь, до утра, юноши и девушки веселятся и пляшут вокруг нее. Рано утром корову закалывают копьем. Это доверяется опытному метателю, который одним ударом должен пронзить сердце. Язык коровы вырезается и выставляется на всеобщее обозрение в знак того, что мщение за кощунство свершилось. Тушу зажаривают и съедают всей деревней.

Мурунги чрезвычайно энергичны и предприимчивы и обладают исключительным здоровьем. Продолжительность их жизни в среднем 70—80 лет, но

(Окончание см. на стр. 55)